

ФИЛОСОФСКИЕ ПОСЛАНИЯ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Виталий Лехциер

Доклад состоит из трёх частей.

Первая – краткий обзор позиций, представленных в питерском двухтомнике *Философия обществу* (СПб.: Изд-во СПб-го ун-та, 2007. 256 с.) и *Философия в поисках и спорах* (СПб.: Изд-во СПб-го ун-та, 2007. 272 с.), выпущенном на основе материалов конференции «Какая философия нам нужна?» (СПбГУ, 2007), а также позиций, содержащихся в других изданиях. Эти сборники имеют непосредственное отношение к теме «круглого стола», и, я думаю, для введения в тему интересно узнать мнение авторитетного сообщества по заявленной проблеме.

Вторая часть – результаты социологического исследования, специально проведённого в СамГУ по проблеме востребованности философии на нефилософских факультетах.

Третья часть – моя собственная концептуализация, касающаяся институциональных и методических аспектов существования философии на нефилософских факультетах.

1. Обзор позиций

Большинство авторов названных сборников «проявляют равнодушие» к ситуации невостребованности философии современным российским обществом, каковую (ситуацию) они почти единодушно диагностируют. Философия не влияет больше ни на образ мышления, ни на государственность, ни на науку, ни даже на систему образования, неотъемлемым компонентом которой традиционно является. От себя добавлю, что искусство сейчас также справляется со своими задачами без философии, сознательно манифестируя себя как форму философии «после философии». Авторы пишут, что, оставаясь по инерции обязательным предметом практически на всех специальностях, философия постепенно сворачивается как шагреновая кожа, сокращается выделенное на её преподавание число часов в вузах, гимназиях, она практически вытесняется из аспирантуры. Подобное положение дел связывается авторами как с историческими причинами – с постсоветским недоверием к философии как форме «промывания мозгов», идеологическому зомбированию, – так и с состоянием самой философии, что гораздо важнее. Один из авторов, например, говорит о «косности самих философов, проявляющейся в ориентации на автономный мир собственных абстрактных конструкций»¹. Или

* Виталий Лехциер – доктор философских наук, профессор кафедры философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета (г. Самара, Россия); lekhtsiervitaly@mail.ru.

другой – о том, что философия «не радуется и не сострадает человеческим судьбам»², а занята чисто отвлечённой теорией. В этой ситуации кто-то предлагает идею двойного существования философии, то есть «внутрифилософского», «не теряющего ни на йоту своей абстрактно-теоретической высоты», и профанного, более популярного³; кто-то надеется на маргинализм или *любительство* в философии (неуниверситетскую философию), которое одно только и способно сообщить ей и новое развитие, и востребованность⁴; кто-то напоминает мысль Ницше, что философ должен быть нечистой совестью своего времени и для этого он должен наилучшим образом знать его⁵; наконец кто-то, наоборот, настаивает на том, что философия не должна бороться за признание, завидовать другим, более востребованным интеллектуальным практикам, тем более «желать быть современной», отказываясь тем самым от своих оснований. И вообще: «если сегодняшний мир не способен осознать ценность философии, то это проблема этого мира, а не проблема философии»⁶.

Однако эта позиция не согласуется с тем обстоятельством, о котором напоминает ещё один автор, что не существует «нейтральных» знаний, и философское знание тем более к ним не относится. Что у философии есть высшая регулятивная функция и что *по мировому понятию*, сформулированному Кантом, она есть наука о последних целях человеческого разума, и на ней, стало быть, лежит ответственность за формулировку этих целей и донесение их до общества⁷, и, соответственно, если что-то не так с миром, значит, возможно, что-то не так и с самой философией.

При этом другие исследователи утверждают, что российская философия в её нынешнем виде хоть и ситуационно напоминает послегегелевский период в Германии, тем не менее, способна нормально выполнять все свои «общеобразовательные» функции (передачу культурной традиции; выработку рациональной критической рефлексии, публичных и рациональных коммуникативных навыков; экспликацию структуры существующих дискурсивных практик) и даже обосновывать своё присутствие в структуре образования. Однако ей для этого не достаёт академических свобод научной и образовательной деятельности, не хватает навыка, который просто исторически не был выработан по причине того, что советское государство выдало философии чрезмерные институциональные кредиты, и ей не было нужды заниматься институциональным самообоснованием.⁸

2. Данные социологического исследования

Незадолго до конференции социологи Самарского университета по нашей просьбе провели социологическое исследование, направленное на выявление востребованности философии на нефилософских факультетах СамГУ. Нужно учесть, что речь идёт о так называемом *зондажном* исследовании, и на полную репрезентативность

оно ни в коей мере не претендует. Исследовались только гуманитарные факультеты СамГУ (пять факультетов), имея в виду, что, по факту, философия на них существенно сильнее, чем на естественных. При этом опрашивались студенты первых и четвёртых курсов, то есть «до и после» преподавания у них философии. Исследование проводилось на основе кластерной (репрезентативно строгой) выборки: статистически случайным образом отбираются две группы на каждом гуманитарном факультете, и дальше идёт сплошной опрос.

Всего было опрошено 274 студента СамГУ. Маркером «востребованности/невостребованности» служил ответ на вопрос, считают ли студенты, что философия должна быть обязательным или факультативным предметом на нефилософских специальностях, то есть, проще говоря, готовы ли они изучать философию в обязательном порядке или предпочитают оставлять её как предмет по выбору. Отвечающий должен обосновать свой ответ в свободной манере (процентное соотношение аргументов респондентов я здесь опускаю).

Результаты исследования таковы: 2/3 студентов-новобранцев показали немотивированность на изучение философии, 1/3 – обнаружили эту мотивированность. У студентов четвёртого курса (уже «обучившихся» философии) наблюдался рост востребованности в среднем на 13%. Много это или мало? Думаю, если учесть, что опрос проводился на гуманитарных факультетах (тут многие студенты – бывшие ученики гимназий и спецшкол) классического университета, являющегося центральным в одном из самых больших регионов России, то цифры эти крайне «малы». Нет сомнения, что они будут ещё меньше, если провести подобное исследование в огромном множестве более мелких вузов, да ещё на негуманитарных специальностях. Правда, пока такого исследования не проведено, заключать об этом можно только с известной долей гипотетичности. Вместе с тем для исследовательской группы СамГУ стало вполне очевидно, что тревога по поводу невостребованности философии в среде студенчества более чем обоснована и требует дальнейших концептуализаций и эмпирических исследований.

3. Философия для нефилософов: институциональный и методический аспекты

Главной базовой метафорой всех дальнейших рассуждений служит метафора *послания до востребования*, то есть такого послания, которое приходит не прямо на ваш почтовый ящик, а, скажем, на главпочтамт: оно приходит на ваше имя, но суть его в том, что за ним вы должны прийти сами. Эту метафору я буду пока подспудно иметь в виду; моя задача – систематически подвести к необходимости её применения тогда, когда мы говорим о проблеме невостребованности философии в вузе.

Итак, меня интересует, чем является (может являться) философия для *нефилософов*, для тех, кто не видит философию в каче-

стве основного (прежде всего профессионального) занятия своей жизни. Чем является философия для *философов*, для философского сообщества – это совсем другой вопрос. В социальном смысле он упирается в организацию институционального обеспечения воспроизводства философского знания. И здесь, при всей разности наличествующих в поле философии методологических платформ и понимания существа философского дела, всё-таки среди профессионалов есть главный консенсус, заключающийся в сознании *значимости* этого дела (и для них, и для культуры в целом) и императива его воспроизводства. Поэтому когда историк философии говорит совершенно справедливо, что «не человек выбирает философию», но «скорее именно философия выбирает его»⁹, и что надо спрашивать, не какая философия нам нужна, а какой философии мы нужны, то понятно, что этот вопрос-требование имеет смысл только как обращённый исключительно к профессиональному сообществу служителей философского культа. Оно, действительно, в долгу перед философской традицией, подобно тому как художник, по мнению Элиота, в движении *деперсонализации* должен развивать в себе осознанное чувство художественной традиции и ответственности перед ней, поскольку своими творениями *volens-nolens* переконфигурирует прошлое и влияет на него.

Однако всё осложняется или просто изменяется тогда, когда мы выходим за пределы профессионального сообщества, когда профессиональный философ встречается с нефилософской частью общества: какие здесь могут быть императивы? А таким местом регулярных встреч как раз и являются *нефилософские факультеты*. И в этом смысле я рассматриваю нефилософские факультеты не просто как часть высшего образования с его структурой, задачами и т. п. (что, естественно, предполагается), а как место встречи нефилософской аудитории и философии (своеобразную *агору*), причём место, специально для этого выделенное.

И здесь в глаза бросается следующая ситуация, которую можно описать, опираясь на понятие социального распределения знания, хрестоматийное для социологии знания. Щюц писал:

«Я – “эксперт” в узкой области и “дилетант” во многих других, так же, как и ты. Любой индивидуальный запас наличных знаний в тот или иной момент жизни разграничен на зоны в различной степени ясности, отчётливости, точности. Эта структура порождается системой преобладающих релевантностей и, таким образом, биографически детерминирована. Знание этих индивидуальных различий, само по себе, уже элемент обыденного опыта: я знаю, к кому и при каких типичных обстоятельствах я должен обратиться как к компетентному доктору или юристу».¹⁰

Так вот, совершенно очевидно, что университетская философия в этом отношении находится под гнётом противоречия между *универсалистским* характером философского знания и его *специализацией*, признаваемой на обыденном уровне людьми, далёкими от

философии. Универсальная природа философского знания (обращённость к целостной личности; релевантность всем специальностям; наличие универсальной доктрины мира) конфронтрует с негласной конвенцией в отношении его *экспертизации*, то есть молчаливым допущением большинства, что нам это знать не надо, существуют философы как отдельное сообщество экспертов в своём знании, такое же, как сообщество медиков или юристов. Об этом говорит статистика: уменьшение часов философии на нефилософских факультетах, с одной стороны, и существенный рост числа философских факультетов и разного рода философских институций в уже существующем философском сообществе, с другой стороны (2007 – более 50 вузов готовят по философским специальностям, это около 5,5 тыс. студентов, хотя до 1991 было всего несколько таких вузов в стране).

Учитывая подобное фоновое отношение к университетской философии, выделяю два момента этого отношения. Во-первых, примечательно, что университетская философия однозначно описывается понятием «знания», которое соответственно предполагает свои традиции, системы, носителей, производителей, язык и т. п., в то время как эта же университетская философия в качестве особой *«техники себя»*, практики «заботы о себе» не опознаётся повседневным мышлением. Эту ипостась философии повседневное мышление сполна находит на внеуниверситетских просторах, во всякого рода практических руководствах жизнью человека, которые необыкновенно востребованы сегодня на рынке символической продукции. Во-вторых, допуская экспертизацию университетского философского знания, повседневное мышление не видит тех «типических обстоятельств», в которых к этому знанию, к его носителю – философу – человек мог бы обратиться или в которых это знание мог бы применить, в отличие от ясности тех ситуаций, когда он обращается к врачу или юристу. Поэтому можно назвать эту ситуацию нерелевантностью университетского философского знания типическим ситуациям повседневности.

Это некоторое положение дел, касающееся взаимоотношений университетской философии и нефилософской части общества, в том числе той, которая учится на нефилософских факультетах. Что делать и делать ли вообще что-то, принимая во внимание сказанное? Думаю, что да. Потому что следствием эзотеризации профессиональной университетской философии и её индифферентности в отношении повседневной востребованности является, кроме прочего, эксплуатация «метафизической потребности человека» всякого рода догматическими учениями, снабжёнными сильным маркетингом и разветвлённой институциональной сетью. Они, кстати говоря, могут влиять не только на отдельного человека, но и на социальные группы, групповые интересы и даже на государство. Профессиональные философы должны понимать, что независимо от собственных мотивов занятия философией они вырабатывают символический капитал общества и участвуют в непрекращающейся ни

на минуту борьбе определений реальности, в конфликте интерпретаций, за которыми в том числе стоят групповые интересы. Университетские философы делают это уже самым выбором тех имён, которые, по их мнению, нужно знать аудитории, не говоря о производимых ими концепциях и интерпретациях.

Так что же делать? Какие изменения должна внести университетская философия в свои взаимоотношения с обществом, организованные на нефилософских факультетах. Думаю, что это должны быть как институциональные изменения, так и чисто педагогические. Но прежде чем их сформулировать, всё-таки зададимся вопросом о том, кем в обществе нефилософов могут быть востребованы результаты философского дела? За последние несколько столетий подобными основными заказчиками философии являлись государство, наука и личность. Выполняя первый заказ, философия вырабатывала «государственную метафизику»¹¹, державную идею (СССР, Германия); выполняя второй заказ, философия становилась методологией, критикой метафизики, апологией научности; выполняя третий заказ, философия вырабатывала основные теоретические принципы, которые человек мог положить в основание своей практической жизни. Сегодня российское государство фактически утратило интерес к философии¹², оно стало прагматичным, хотя и придерживает философию на запасных путях, оставив её как обязательный предмет на нефилософских специальностях. Однако конец идеологических войн, который зафиксировал Хантингтон, прагматизация внутренней и внешней политики делают не нужным государственное использование философии в политических целях. Наука также теснит философию, довольствуясь собственной, имманентной той или иной дисциплине, методологической рефлексией. Остаётся личность. Это и есть потенциальный заказчик философии, тот адресат, к которому философия должна сегодня отправлять послания *до востребования*. И вот тут встаёт вопрос: какие послания (и на каких условиях посылаемые) будут востребованы этим адресатом?

Чтобы эти послания привлекли адресата, во-первых, нужна институциональная реформа. Казалось бы, университетской философии должно быть больше и она должна агрессивней себя предлагать нефилософской общественности. Ровным счётом всё наоборот. Сила философии в её *альтернативности*, в перформативной непротиворечивости, о которой, к сожалению, сегодня приходится только мечтать (или за которую нужно будет бороться). Институциональное существование философии на нефилософских факультетах складывается из двух компонентов: *обязательность/необязательность* и *наличие госстандарта/его отсутствие*. Здесь возможны четыре варианта соотношения этих компонентов. Философия может быть:

- **обязательной и академически несвободной дисциплиной** (как в наших вузах; это ситуация принуждения к двойной бухгалтерии и деморализации философского сообщества);

• **обязательной, но академически свободной дисциплиной** (только в нескольких вузах России; такое соотношение соответствует немецкой философии университета, например кантовской, и разделяет ещё просветительскую установку и презумпцию главенства государства в образовании, а мы видим, что, по крайней мере экономически, государство ушло или почти ушло из высшего образования во всём мире – Покровский);

• **факультативной (свободно выбираемой), но академически несвободной** (что сложно себе представить, поскольку вряд ли будет кем-то выбираться заведомо содержательно несвободная философия);

• **факультативной и академически свободной** – это максимально либеральный вариант институционального статуса философии на нефилософских факультетах. В этом последнем случае она номинально, эксплицитно государством не востребована, но впервые, на мой взгляд, получает шанс быть реально востребованной обществом. А такая востребованность в конечном итоге на благо самому государству – здесь знаменитую логику Канта из *Спора факультетов*, обосновывающую необходимость академической автономии, можно продолжить.

Спрашивается: почему свободно выбираемая философия получает шанс быть реально востребованной обществом? Ответ ясен, приведу четыре аргумента.

1. Потому что в этом случае возникает реальная конкуренция философского разума с разумом позитивным, и только в такой конкуренции философия может действительно показать свою общественную ценность. Философии, легитимности её присутствия в образовательном пространстве сильно вредят «чрезмерные институциональные кредиты, предоставляемые философии государством. Последнее особенно практиковалось в советский период, когда поле академической и преподавательской деятельности *априори* гарантировалось философии (или тому, что называлось философией) государством, что, опять же, делало бессмысленным какие бы то ни было стратегии обоснования институционального присутствия, решения о котором принимались в рамках партийного аппарата и зачастую определялись случайным стечением обстоятельств»¹³.

2. Потому что с необходимостью возникают мостики между языком философии и повседневностью.

3. Потому что философствование становится более релевантным, то есть ориентированным на анализ тех сфер опыта, тех тем, которые наиболее важны для современного человека.

4. Потому что, наконец, в этом случае философия становится более уважительной к личности, её свободному выбору. Философия, будучи всегда направленной на формирование свободного ума, только в этом случае не начинается с акта институционального насилия и не впадает в перформативное противоречие, а следовательно, начинает вызывать доверие. Насильственная, тотальная

философизация подрастающего поколения сродни насильственной христианизации населения или насильственному обращению его в какую-то другую веру. Философия – сфера интимного, глубинного личностного опыта в не меньшей степени, чем религиозная вера или эстетические пристрастия. Поэтому нужно оставить эту нишу, дать возможность индивиду самому обратиться к философии. То есть дать возможность для возникновения, пробуждения соответствующего требования. В противном случае востребованная философия просто невозможна, ей неоткуда взяться.

Коррелятом к институциональной реформе должны быть и *педагогические приоритеты* в преподавании на нефилософских факультетах свободно выбираемой и академически свободной философии. Что это за педагогические приоритеты? Я опять назвал бы четыре таких приоритета: *майевтичность, релевантность, партикуляризм, паресианство*. Во-первых, майевтика должна быть не просто частным методом, а методологическим горизонтом всей дидактики, всего философского курса на нефилософском факультете – постольку, поскольку телосом философской дидактики для нефилософа является формирование у адресата структуры «заботы о себе» (*epimeleia heautou*), запуск или поддержание активного самоотношения или процессов «субъективации». Напомню, что, как писали стоики и подчёркивал Фуко, реализация подобного опыта переходности невозможна без помощи наставника, выступающего необходимым агентом *друговости* своего ученика.¹⁴ Во-вторых, двигаясь в свете идеала майевтики, преподаватель должен следить за тем, чтобы всё, что он говорит, было релевантным «биографической ситуации» современного человека, максимально соотносено с его опытом, сообщало оптику и инструменты для самоанализа и самокоррекции. Я сослался бы здесь на О. Шпарагу, которая писала, что задачей университетского философа является установление *связи* собственного высказывания, выбранной им проблематики и обсуждаемых понятий с современной жизнью, потому что только так реализуется *идея университета*, которую сформулировал ещё Ясперс, а именно *вовлечение студента в совместное исследование*. Такое вовлечение будет возможно, если это исследование касается нашей совместной, публичной жизни (то есть и жизни преподавателя, и жизни студента), а реализация такого исследования будет не только частью образования, но частью самой жизни, причём жизни *политической*, под которой понимается дискурсивная вовлечённость в социальную жизнь, в жизнь как таковую.¹⁵

В-третьих, философское высказывание, адресованное нефилософской общественности, должно исповедовать *партикуляризм*, то есть всякий раз акцентировать собственную частичность, не-тотальность, собственную контекстуальность, в том числе обусловленную биографической ситуацией самого преподавателя (как это всё время делал Деррида). И, в-четвёртых, необходим главный принцип подобного наставничества, который отсылал бы не к технологиям, а к бытию. Такой принцип можно найти в лекциях Фуко

по герменевтике субъекта – это *паресианство*. *Paresia* – это незаинтересованное в чём-либо побочное искреннее говорение в соответствии со своим присутствием.

«Глубинную сущность *paresia* составляет тождественность субъекта высказывания и субъекта поведения».¹⁶

Как говорил Киркегор:

«Быть идеалистом в воображении совсем не трудно, но экзистировать как идеалист – это крайне трудная жизненная задача».¹⁷

Paresia – это речь-обещание, обязательство жить в соответствии со сказанным. Только тогда философское послание, отправленное потенциальному адресату *до востребования*, будет не отброшено как назойливый спам, а прочтено, принято во внимание, востребовано, когда адресат будет знать, *кто* его послал, то есть, продолжая метафору, там должен быть обратный *личный* адрес, и когда адресат будет надеяться, что этот *кто* не врёт.

Примечания

- ¹ Марков Б.В. Образ современности в зеркале философии // *Философия в поисках и спорах*. СПб.: Изд-во СПб-го ун-та, 2007. С. 27.
- ² Губин В.Д. О теоретической и реальной философии // *Философия обществу*. СПб.: Изд-во СПб-го ун-та, 2007. С. 112.
- ³ Золотухина-Аболина Е.Б. О популяризации философского знания // *Философия обществу...* С. 49.
- ⁴ См.: Солонин Ю.Н. Долг и ответственность философии // *Философия обществу...*; Грякалов А.А. Топос и субъективность // Там же.
- ⁵ Шилков Ю.М. Коммуникативные и когнитивные возможности философии // *Философия обществу...* С. 72.
- ⁶ Сухачёв В.Ю. О символической природе философского мышления // *Философия в поисках и спорах...* С. 75.
- ⁷ Разеев Д.Н. Восстание средств против достигаемых целей? // *Философия и образование: Альманах по философии образования, эвристике, методологии и методике преподавания социогуманитарных дисциплин*. СПб., 2005. С. 50.
- ⁸ Куренной В. Философия и образование // *Отечественные записки*. 2002. № 1. С. 59–72.
- ⁹ Светлов Р.В. Какой философии мы нужны // *Философия обществу...* С. 38.
- ¹⁰ Шюц А. Структура повседневного мышления // *Социологические исследования*. 1988. № 2. С. 132.
- ¹¹ Перцев А.В. Государство и философия // *Философия обществу...* С. 117.
- ¹² Об ослаблении государственной поддержки вузов как о мировой тенденции, об изменении экономического статуса университетов и превращении их в самостоятельных игроков на рынке образовательных услуг; см.: Покровский Н.Е. *Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений* // *Идея университета и топос мысли: Материалы конференции, посвященной 25-летию кафедры философии гуманитарных факультетов СамГУ*. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. С. 208–209.

- ¹³ Куренной, указ. соч., с. 64.
- ¹⁴ Фуко М. Герменевтика субъекта (выдержки из лекций в Коллеж де Франс 1981–1982 гг.) // *Социологос*. Вып 1. М., 1991. С. 291.
- ¹⁵ Шпарага О. *Назначение университета: университет как условие и элемент публичной жизни* // Идея университета и топос мысли: материалы конференции, посвященной 25-летию кафедры философии гуманитарных факультетов СамГУ. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. С. 153–164.
- ¹⁶ Фуко, указ. соч., с. 310.
- ¹⁷ Киркегор С. *Заключительное и ненаучное послесловие к «Философским крохам»*. Перев. с датск. Т.В. Щитцовой. Мн.: Логвинов, 2005. С. 406.